

Кира Фарди

СНОВА

мы?!

Кира Фарди

Снова ты?!

<https://litres.ru/74597408>

SelfPub; 2026

Аннотация

Уборщик в загородном отеле был дьявольски красив и совершенно невыносим.

— Мисс Катастрофа, — шипел он.

— Мистер Зазнайка, — огрызалась я.

Как мы оказались в роскошном авто, разрывая друг на друге одежду, — загадка. Утром я сбегая в его пальто, в кармане которого лежат часы, ценой в целое состояние.

И вот, через пять лет, мы вновь сталкиваемся у ворот детского сада, куда привели своих детей. Бывший уборщик теперь богатый бизнесмен, и он ищет встречи со мною. Зачем? В любовь с первого взгляда я не верю.

Стоп! Или он хочет спросить о часах?

Ох, если бы он только знал истинную цену той ночи! Лучше я притворюсь, что мы никогда не встречались.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	19
Глава 5	27
Глава 6	36
Глава 7	44
Глава 8	52
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Снова ты?!

Глава 1

Ян Данилов

— Ян Гаврилович, прибыли.

— А? — я дернулся, словно от удара током, посмотрел на водителя в зеркало и очнулся. — Да, Глеб, спасибо.

— Может, проводить вас?

— Не, справимся сами, — я повернулся к племяннику, сидевшему рядом. — Ванек, вылезай из виртуального мира, приехали.

— Ну дядь, ну еще чуть-чуть!

Я вздохнул и уставился в окно.

Мимо машины прошла женщина, держа за руку маленькую девочку, и свернула в сторону здания детского сада.

Сердце отчаянно заколотилось о ребра, у меня даже дыхание перехватило, настолько со спины она была похожа на ту девчонку, которая вот уже пять лет гвоздем сидела у меня в голове.

«Повернись! Повернись!» — гипнотизировал ее я.

И тут малышка вырвала ручонку, рванула к луже и с размаху плюхнулась в неё.

— Валюша, да что ж ты делаешь! — взвыла незадачливая

мамаша.

Она потянулась к дочери, но та, как заправский футболист, впечатала каблуком по грязи, окатив мать с ног до головы талой водой, и заорала, как сирена воздушной тревоги:

— Не-е-е хо-чу-у-у в са-дик!

Мы с Глебом переглянулись и засмеялись.

— Во даёт девчонка! — утирал я от смеха слезы. — Характер — огонь!

Настроение у меня взлетело до небес. Мамаша, сдавшись, подхватила орущее чадо и потащила к зданию садика. А я повернулся к своему пятилетнему племяннику, который опять залип в телефон.

— Вань, я опаздываю!

— Дядь, ну секундочку...

Это «секундочку» мне скоро во сне будет сниться. Я просто вырвал мобилу у него из рук и смахнул игру. Салон Мерса огласил вопль, от которого захотелось заткнуть уши ватой.

— Так, отставить... концерт! — скомандовал я.

Ага, шас!

Для своих сотрудников я грозный босс, а для этого мелкого террориста — добрый дядюшка, из которого можно веревки вить.

И Ванька он вил! Старался, засранец...

— Я все ма-ме рас-ска-а-а-жу! — вопил он, изображая умирающего лебедя.

Я обреченно посмотрел на Глеба, который развернулся к

нам, и спросил:

— Что делать? У тебя ж дети есть!

— Есть, босс, но у меня две девочки.

— Вот блин! Девчонки — это еще хуже!

Я глянул в окно. Там мать, чем-то напомнившая мою первую любовь, отчаянно боролась с дочерью. Та колотила ботинками по светлому пальто, махала руками и визжала как недорезанный поросёнок.

И вдруг я понял: в салоне — тишина. Я настороженно перевел взгляд на племянника. Он, вытерев кулаком слезы, заявил:

— А мама говорит, что ругаться нельз-я-я-я!

Я уставился озадаченно на мальчишку. То нельзя, это нельзя...

— А поджопника тебе дать можно?

Видимо, и это нельзя. Ванька распахнул дверь, выскочил из машины, тут же повернулся, показал мне язык и выдал:

— Тогда я позвоню в отдел опеки и нажалуюсь на тебя.

— Не выйдет. Мобила у меня!

Я покрутил телефоном перед его носом.

Ванька сорвался с места и помчался по дорожке к воротам, крича во все горло:

— Дяденька охранник! Спасите! Меня хотят похитить.

У меня и челюсть отвисла.

— Чт-о-о-о? Глеб, сейчас все дети такие... продвинутые?

— Ага, — расхохотался тот. — Свои появятся, узнаете.

Но я уже рванул следом за Ванькой. Догнал его перед воротами, подхватил под мышку и с воплем: «Летят самолеты!» — понесся к входу в его группу.

Чтобы еще раз... да никогда в жизни... путь Светка сама справляется со своим сорванцом.

Я ворвался в подъезд, взлетел на второй этаж, сдал Ваньку воспитателю и, радостный донельзя, кинулся обратно.

Тут дверь группы напротив распахнулась, и мне навстречу вывалилась та самая мамаша. Глаза безумные, волосы дыбом, губная помада размазана на пол-лица. Столкновения было не избежать. Я только успел выставить руки, как она упала мне на грудь.

— П-простите! — выпалила женщина и подняла голову.

— Снова ты?! — выдохнул я.

Глава 2

Мила Малышева

Я окаменела. Чего только не ждала от жизни, но чтобы вот так!

Не может быть. Его здесь не может быть! Он нашел меня? Но как? Нет, нет, нет...

Сердце зашлось бешеным стуком, адреналин плеснул в голову, заставив мысли заметаться, словно тараканов, которых застали врасплох при свете дня.

— Вы обознались. Мы не знакомы! — выпалила я и, оттолкнув опешившего Яна, бросилась вниз по лестнице, рискуя свернуть себе шею.

— Как обознался? Мила! Да это же ты! Постой!

Но я уже не слушала. Паника толкала меня вперед. Вылетела на улицу и заметалась в отчаянии, не зная, куда спрятаться. Божечки-кошечки! За что такое невезение?!

Дверь в соседний подъезд гостеприимно распахнулась, и я, недолго думая, нырнула туда, как в спасительную нору. Прижавшись спиной к холодной, шершавой стене, я жадно ловила воздух, пытаясь унять дрожь. В узкую щель видела, как Ян выбежал из подъезда, растерянно огляделся, метнулся в одну сторону, затем в другую и, наконец, сорвался с места и умчался на блистательном Porsche.

Откуда у нищего уборщика такое авто?

Вывалившись на улицу, я прислонилась спиной к шершавой стене садика. Коленки предательски дрожали, ноги подкашивались, словно после марафонского забега. Только теперь смогла вдохнуть полной грудью. Слезы брызнули из глаз, губы противно тряслись. Никогда бы не подумала, что вот так, как гром среди ясного неба, встречу Яна снова, да ещё и в таком... оригинальном месте.

— Девушка, вам плохо? — участливо окликнула меня дворничиха, вооружённая метлой и совком.

— Н-нормально, — выдавила я.

— Ну, где ж тут нормально! Пойдёмте к медсестре, она вам валерьянки накапает.

Точно! Валерьянка! Вот что мне сейчас необходимо, как утопающему — спасательный круг. За те несколько минут, пока мы шли к медпункту, я немного пришла в себя. Устроилась на кушетке, закрыла глаза и, пока медсестра колдовала над пузырьками, попыталась собрать мысли в кучу.

Откуда здесь взялся Ян? Он вылетел из соседней группы, значит, приводил туда ребёнка. Своего? Когда мы встретились впервые пять лет назад, он работал в отеле простым уборщиком и о браке даже не заикался. Да и группа эта — старшая, для детей пяти-шести лет. Неужели нагулял на стороне?

Вот паразит! После всего, что он сделал...

Отчего-то предательски сжалось сердце. Этот красавчик наверняка трахает всё, что движется, не задумываясь о по-

следствиях.

— Выпейте, вам станет легче, — словно сквозь толщу воды, прорвался ко мне голос медсестры.

— С-спасибо.

— Вы бледная, выглядите неважно.

— А? Что?

Конечно, неважно. После войны с Валюшей все домашние выглядят как после бомбёжки. Эта девчонка на уши весь дом ставит, если чего-нибудь захочет. Характер — чистый папаша...

Папаша! Я судорожно вздохнула.

— Всё же советую обратиться к врачу.

— Да, конечно.

Я проглотила залпом валерьянку, поморщилась, но резкий запах немного прояснил мозги.

А что, если Ян приходил к воспитательнице? Кто работает в той группе?

— Простите, не подскажете, в группе «Солнышко» работает Марина Завьялова? — спросила я наугад и замерла в ожидании.

— Нет, что вы. Мария Степановна там уже тридцать лет трудится. Не можем старушку выселить на пенсию, приросла к группе!

Стоп! Тогда это его мать? На бейджике Яна светилась фамилия Данилов. Это я прекрасно запомнила.

— А как её фамилия?

— Васильева. А вам-то зачем? — насторожилась медсестра. — Простите, но мне нужно на обход.

— Да-да! Конечно!

Я вскочила и побрела наугад по садику, но мысли всё ещё крутились вокруг этой внезапной встречи.

«Получается, он привёл ребёнка. Но какого?» — терзалась я вопросом, чувствуя себя Шерлоком Холмсом в юбке.

Сама не заметила, как оказалась возле группы «Солнышко» и, поддавшись порыву, тихонько зашла внутрь. Из игровой комнаты доносились голоса детей и воспитательницы, аппетитно пахло кашей и какао, а в раздевалке никого не было.

Я быстро пробежалась взглядом по шкафчикам: фамилия Данилов нигде не значилась. Провал!

Моё детективное расследование потерпело фиаско.

Домой я ехала в полном раздразе чувств. Воспоминания пятилетней давности, как штормовая волна, обрушились на меня, смяли, уничтожили мою еще утром безмятежную душу.

Глава 3

Пять лет назад

Мила Малышева

— Прибью эту заразу к чертовой матери! — прошипела я сквозь стиснутые зубы, осторожно ступая на лестницу, ведущую в черную пасть ночного клуба.

— Свали с дороги, козявка! — рыкнул за спиной чей-то бархатный голос.

Я испуганно прижалась к холодной, шершавой кладке. Мимо рысью пронеслись две горы мышц: белая и черная. Их тени скользнули по стене, растворяясь в полумраке.

— Твою ж дивизию! Чтоб вам пусто было!

— Ты что-то сказала? — обернулся парень в белоснежной рубашке.

Идеальные зубы хищно блеснули в усмешке. Больше ничего разглядеть я не успела: предательские стекла очков вмиг затянуло молочной пеленой.

— Отвали! — прошептала я.

Но парень уже умчался вниз, щелкая каблуками по ступенькам. Я начала спускаться тоже.

Моя сестрица Ленка умудрилась улизнуть прямо с собственной помолвки, и теперь я, словно гончая, была спущена с цепи родителями на ее поиски.

Наконец лестница закончилась, и я ступила на плиты танцпола. Здесь было еще хуже.

Оглушительный грохот музыки обрушился на меня, словно водопад. Хищные огни стробоскопов выхватывали из темноты искаженные лица, пляшущие на стенах призрачные тени. Безумный ритм терзал барабанные перепонки. Тягучее, болезненное раздражение, проснувшееся в душе еще час назад, вспыхнуло с новой силой.

— Кого ищем, красотка?

Я повернулась, поправила на носу запотевшие очки, прищурилась, но ничего не разглядела: сплошное мутное пятно. Еще бы, очковый маскарад в этом дерьмовом клубе работал против меня.

— Вовчик, забей на этот синий чулок!

Приказал все тот же бархатный голос. Я повернулась на звук, но увидела белую рубашку и снова мутное пятно лица.

Синий чулок? Как же! Хотя... я вырядилась в черный деловой костюм и туфли на низком каблуке специально, чтобы казаться старше и избегать как раз вот таких ненужных приставаний.

С трудом, расталкивая танцующих локтями, я пробилась к стойке бара. Яркие светильники играли лучами на хрустальных бокалах, пузатые бутылки манили этикетками, бармен с ловкостью фокусника размахивал шейкером.

— Что вам?

Тут же подлетел ко мне он, но, окинув небрежным взгля-

дом, ушел к другому клиенту. Видимо, я не внушала доверия своей физиономией и платежеспособностью.

— Эй, я была первой! — рявкнула я. — Мне... — тут я растерялась: никогда не пила алкоголь, за нас двоих отрывалась сестрица. Черт! Я окинула взглядом полки. Что пьют в таких заведениях? Как-то не хотелось выглядеть белой вороной в этом царстве порока. — Текилу... двойную порцию.

— Уверены?

— Слушай ты! Я клиент. Что заказала, то и тащи! Или... мне позвать директора?

— Паспорт покажи! — не растерялся бармен.

— Что? — я даже опешила от такой наглости.

— Глеб, что тут у тебя?

Опять тот же бархатный голос. Я покосилась, но белая ткань рубашки засверкала от ультрафиолета так ярко, что в этом сиянии полностью растворился ее хозяин.

— Да вот... девица... текилу просит. Выглядит как малолетка.

— Я не малолетка! Мне уже восемнадцать!

От возмущения все нутро встрепенулось, но невидимый парень лишь засмеялся.

— Налей ей. Раз пришла, значит, душа просит. Слушай, а что у нас сегодня с музыкой?

— Ди-джей уволился, вот и приходится слушать это дерьмо.

— Н-да, непорядок.

Белая рубашка поставил стакан и растворился в сияющих огнях.

— Босс, ты сам к пульту встанешь? — крикнул бармен ему вслед.

— Ага.

Я слушала вполуха чужой разговор, крутила в руках стакан и оглядывала зал. И тут заметила Ленку.

— Вот зараза! — издала я клич команчей и бросилась к сестрице.

Барный табурет с грохотом отлетел в сторону. Кто-то вскрикнул, даже выматерился, но я не оглянулась: передо мной маячила цель, которая в любой момент могла исчезнуть, и я неслась к ней на всех порах.

— Девушка, а заплатить? — настиг меня крик бармена.

Но я лишь махнула рукой: достать Ленку было сейчас важнее.

Сестрица веселилась по полной программе. Она висела на каком-то длинноволосике, а тот забрался к ней под шорты и тискал аппетитные ягодицы.

Во мне все дерьмо вспенилось. Я, вместо того чтобы готовиться к сессии, болтаюсь по клубешникам в поисках сестры, а она...

Пробиться сквозь толпу было тем еще испытанием — море тел, липкий пол, и запах... Адская смесь, от которой выворачивало наизнанку. Но я пробивалась напролом, расталкивая локтями загулявших гостей.

Длинноволосику Ленкиной попки показалось мало, и он решил еще полапать ее за грудь.

— Ах ты, гад! — завопила я и с разбега врезалась в парня плечом.

Сама взывала от боли, но и он выпустил Ленку из рук. Девуцы вокруг завизжали, а сестра, потеряв опору, свалилась на пол.

— Ленка, стерва! Ты что делаешь? — я подхватила ее за талию и, пыхтя и обливаясь потом, поволокла к выходу.

Ленка повисла теперь на мне, бездумно что-то бормоча и пытаясь укусить меня за плечо. Длинноволосый опомнился и бросился за нами, но его кто-то остановил. Я расслышала только что-то вроде:

— Остынь! Мало тебе баб, что ли?

В этот момент пронзительный визг, усиленный микрофонами, ударил по ушам. Я чуть не выпустила сестру из рук от неожиданности.

— Приношу извинения! — раздался бархатный голос ведущего. — Зажжем танцпол?

— Да! — заревела толпа.

Музыка взвилась к потолку. Ленка вырвалась из рук и юркнула в кипящий людской котел. Я — следом за ней. Схватила за ускользящую талию и потащила к спасительной лестнице через весь зал, как мешок с мокрым песком. Она то начинала хохотать, то рыдать, выкрикивая имя какого-то Артема, о котором я слышала впервые.

И тут меня остановили. Я ничего не видела из-за проклятых очков и мелькающих огней, ничего не слышала из-за режущего звука, лишь чувствовала, как чьи-то руки цепко держат меня за плечи, и перед носом мелькает черная стена. Я поняла только одно: надо сквозь нее пробиться.

Пробивалась я отчаянно: кулаками, ногами и Ленкой. Сестрице было все равно, она вообще ничего не соображала. Но нас обеих скрутили, вытащили наверх, где был нормальный свет и относительно свежий воздух, и бросили на диван.

— Вы спятили? Какого лешего? Чего пристали? — завопила я.

Но мужчина в черной униформе секьюрити спокойно сказал:

— Девушка, я вызову полицию, если вы не оплатите свой заказ.

— Какой заказ? — опешила я, и тут в голове щелкнуло: — Текилу, что ли? Да я даже глоточка не сделала!

— Ее заказ, — подбежавший бармен показал на сестрицу. — Пять восемьсот.

— Сколько? Ик...

Меня пробило на икоту. В кармане сиротливо бренчали несколько монет, а на карте лежала стипендия, на которую у меня были совсем другие планы.

— Вот счет, — в руках бармена красовался чек, длинный, как список грехов Ленки. — Платить будете кэшем или картой?

— Твою ж налево... крохоборы!

В этот момент почти бездыханное тело Ленки пришло в движение. Она встрепелулась, распахнула голубые глаза и заявила:

— Мила, а что ты здесь делаешь? И... где мы?

— Хороший вопрос, что б тебе! С меня оплату за твой разгул требуют.

Взгляд Ленки хотя и был мутным, но в нем мелькнул огонек задора.

— Расслабься, сестренка, — сипло прохрипела она, шатко шагнула к бармену, вдруг запустила пальцы в его густую шевелюру и поцеловала его прямо в губы. — Мы с тобой рассчитались, красавчик?

Бармен застыл с каменным лицом, но кончик его уха предательски покраснел. Он медленно отстранил ее, и тут я поняла: это конец!

— Я заплачу! — взвизгнула я так, что у самой уши заложило.

Он молча протянул мне терминал, я ткнула в него картой, подхватила сестрицу и вывалилась с ней на улицу, пока она не втянула меня в еще большие неприятности. Если с ней что-то случится, сорвется ее свадьба с богатеньким буратинкой, мать сойдет с ума, а отец...

С ним все еще хуже: папа потеряет работу, так как сестрица выбрала себе в женихи сыночка его босса. Вот такой замкнутый круг, и, как ни вертись, крайней останусь я.

Глава 4

Ян Данилов

— Что за шум, а драки нет?

Я стоял у входа в холл и разглядывал спины двух девушек, только что вывалившихся из клуба. Блондинка, которая была в коротких шортах и белом топе, выглядела соблазнительно. Я даже пожалел, что она так быстро ушла. Зато брюнетка в черном костюме походила на работника похоронного бюро.

— Простите, босс, — Глеб повернулся ко мне, сияя красным лицом. С чего бы это? — И хорошо, что обошлось без драки. Девчонки напились, забыли оплатить.

— Бро, ну ты знаешь, что с этим делать, — отмахнулся я.

— Слушаюсь, босс! Занесу их в черный список.

Сегодня я хотел хорошенько встряхнуться после очередного скандала с отцом, но и в клубе был сплошной трэш. Диджей уволился, я встал сам за пульт, еще и незнакомые девчонки устроили скандал.

Это уже ни в какие ворота...

— Ян, — на лестнице показалась взлохмаченная голова Вовчика, — шевелись, я нашел таких красоток, отвал башки!

Мы спустились в зал, приятель потащил меня за столик, но, увидев, кто там сидит, я резко развернулся.

— Зашибись! — вырвалось у меня. — Дебил! Ты куда ме-

ня тянешь?

— А что? Красотки же, — растерялся приятель.

— Ян, прив-е-е-е-тики! Чмоки-чмоки!

Из-за стола выскочила Мирослава, с которой у меня было парочка встреч, и бросилась ко мне. А меня будто электрическим током ударило. В постели с ней было жарко, но за ее пределами — невыносимо. Ее приторные «приветики» еще год назад встали у меня в горле колом.

Она уже была рядом. Я выкатил свой привычный вид, будто мне пофиг на все, что вокруг происходит, и повернулся к ней.

— Ну, чего тебе?

— Не «нукай», котик. Я соскучилась.

Она вцепилась в мой локоть, словно я был ее собственностью, и протянула губы для поцелуя. Я чмокнул куда-то в лоб.

— Блин, Данилов! Что ты меня, как покойника? — недовольно выругалась Мирка и потащила к столу.

Нет, она деваха вполне ничего: шустрая, активная, согласная на эксперименты в постели, но...

Вот это «но» и советовало мне держаться от нее подальше. Мне ее мракобесия за глаза хватило, больше не хочу. Щучье нутро лезло из Маринки слишком явно. Тогда всего за несколько встреч она опустошила мою кредитку подчистую, за что я получил такой нагоняй от бати, что на какое-то время забыл о картах, машинах и клубах.

Но Мирка как танк Т-34, если прет напролом, не остановить. Она представила меня подругам, в упор ни одну не разглядел, и тут же начала исполнять свой стандартный репертуар: посадила рядом, сняла короткий жакетик и осталась в открытом топе, из которого при малейшем движении вываливалась грудь.

У меня все ее потуги не вызывали реакции, зато Вован смотрел жадным взглядом в ложбинку между аппетитными полушариями и слюнки пускал.

— Ты накачала сиськи? — вопросом в лоб огорошил я всех присутствующих.

— Нравится? — Мира выпятила грудь.

— Перестаралась.

— А ты, Данилов, как был говнюком, так и остался, — надула пухлые губы Мирка.

— Если это знаешь, чего лезешь тогда?

— Думала, исправился, — она подняла руку, подзывая официанта. — Гарсон, нам выпивки и побольше!

— Я, пожалуй, пойду!

Я встал, но Мирка дернула меня за руку и заставила снова сесть.

— Нет уж, без тебя и песня не та.

А дальше вечер прошел как в тумане. Виски обжигал горло, растворяя остатки разума. Пальцы Мирки острыми коготками шныряли у меня в штанах, и мой дружок даже тянулся навстречу ласкам.

Вовка то ли стонал, то ли пел, распластавшись на диване в окружении подружек Мирки — настоящих гиен. Телефон трезвонил безостановочно, я не отвечал: и так знал — батя наяривал, наверняка кто-то из его прихлебателей, приставленных ко мне, доложил об очередной гулянке сыночка. С отвращением утопив айфон в янтарной пучине виски, я наконец-то заставил его и батю заткнуться.

А дальше — провал...

Я проснулся в кабинете директора клуба, куда, как позже выяснилось, меня притащили охранники. Слава богам, хоть один.

Или нет?

— Щенок! — грозный вопль со стороны директорского стола и мертвого мог поднять.

Но не меня. Я только башкой дернул и заныл: в моей бедной черепушке разлилась такая боль, как будто по ней кувалдой прошлись.

— Батя, тише будь, а! Башка трещит!

— Я тебе дам «батю», сопляк!

Вовремя я на него глянул: успел увернуться от папки с металлическими уголками, которая мне прямо в лоб летела.

— Бать, ну что за дичь? У тебя самого никогда форс-мажоров не бывает?

— Ах ты... паразит мелкий! Из-за твоего вчерашнего «форс-мажора» сорвалась встреча с японцами! Ты в курсе, сколько это стоило?

Отец буквально взлетел над столом, рванулся к дивану, замахнулся, но поймал мой яростный взгляд и опустил руку: инстинкт самосохранения сработал. Сообразил родитель, что я в два раза моложе, сильнее, и могу, если что, ответку кинуть.

— Ладно, сорян. Последний раз, клянусь!

Я сел, растер ладонями лицо: все еще одурманенный алкоголем мозг не желал просыпаться.

— Конечно, последний, — батя потряс ключами от моего суперкара. — И это я тоже заберу!

Во второй руке он держал банковские карты.

Ну все, приплыли!

— Бать, ты что, рехнулся? — вот теперь я проснулся окончательно. С какого перепугу его так бомбануло? Но угрозы серьезные, это факт. — А жить я на что буду?

— Заработай!

— Я же студент, блин.

— А мне насрать! Ты вечный студент. И видеть тебя не хочу! Дома чтоб духу твоего не было!

И рванул к выходу. Вот это номер! Я даже злиться перестал, просто офигел от батиного бешенства. Он, конечно, всегда был скорый на расправу, но границы никогда не переходил. После его развода с мамой мы договорились: я не лезу в его амурные дела, он не трогает мою жизнь. Мама осталась жить с сестрой Светкой, я — с отцом, о чем уже не раз пожалел.

— Да где я работать-то буду? В клубе?

— Клуб я закрыл.

— Ты че, совсем ку-ку?

— Еще слово вякнешь, щенок!

— Бать, че за нафиг! Ты сначала маму из дома выпер, теперь от меня избавиться решил? — мои границы тоже рухнули. Батин беспредел меня заразил. — Может, мне папарацци натравить? Они мигом слетятся, словно мухи на г... пикантную темку.

Отец, уже распахнувший дверь, подпрыгнул, как молодой козлик, и кинулся ко мне. Я руками закрылся: морду лица портить не хочется, еще пригодится. Но он, не добежав, резко встал, как будто в стену уперся.

— Отработаешь свой косяк. Изучишь, так сказать, семейный бизнес изнутри на собственной шкуре. Месяц выдержишь — верну машину.

— Что? Машину?! — я взорвался, словно пороховая бочка. — Вечно только вещи! Ни разу не поинтересовался, как я себя, черт возьми, вообще чувствую!

— Поинтересуюсь, когда все условия выполнишь, — отец оставался невозмутимым, продолжая заколачивать гвозди в крышку моего гроба, — Два месяца отпашешь — получишь одну карту с ограниченным лимитом. Три — пущу обратно домой.

— Ч-чего? Г-где? — от изумления я даже заикаться начал, словно старый патефон.

— В «Деревне чудес».

Меня пробило на судорожную икоту.

— Ик... да это же... ик... у черта... ик... на куличках!

— А тебе там самое место! Заступаешь сегодня же!

Он развернулся и — хлопбысь дверью так, что меня всего передёрнуло, словно от удара током.

— Не поеду! — крикнул я вслед, но не успел подняться, как дверь распахнулась вновь.

Я даже не знал, что могу быть таким шустрым. Мгновенно рванул в сторону и спрятался за директорским столом.

— Батя, ты еще не все сказал?

Отец шагнул в сторону, и на пороге показались охранники клуба.

— Выкиньте этого дебила отсюда! — приказал отец.

— Я понял, батя, я все понял! Сдаюсь! — я поднял руки в известном жесте. — Сейчас умоюсь и поеду.

— То-то же! — удовлетворенно хмыкнул родитель. — Знай свое место, щенок! — на пороге он обернулся и выдал: — Кстати, там твоего приятеля менты забрали. Не появишься сегодня в отеле, отсидит Вовчик по полной.

Сказал и смылся, у меня и челюсть до пола отвисла. Вот это выдал родитель!

— Батя, блин! Не будь свинтусом последним! — завопил я и помчался к двери.

Босиком выскочил из кабинета, оттуда в холл. Успел выбежать на крыльцо, но Мерс отца уже нагло мигал габарит-

НЫМИ ОГНЯМИ НА ВЫЕЗДЕ ИЗ АЛЛЕИ.

Глава 5

Ян Данилов

— Ян Гаврилович, вернитесь в клуб, — позвал меня охранник Никита. — Простудитесь.

Действительно, на улице моросил противный мелкий дождь, порывы ветра сбивали с ног. Весна хотя и вошла в свои права, но еще не набрала силу. Погода стояла холодная и сырая, как раз под стать моему сегодняшнему настроению.

Блин сохатый! Не хотел же ввязываться в движ с Миркой и ее компашкой, не хотел! А все Вовчик виноват! Вот пусть посидит теперь в кутузке, подумает над своим поведением.

Я привел себя в божеский вид, закинулся парой бутеров в клубном баре и залип с кофе в руках на барном табурете, которым меня вчера огрела девица в очках. Невольно вспомнилась малолетка в черном деловом костюме. Из-за огромных стекол очков на меня смотрели дерзкие черные глазища, а с острого язычка капал яд.

Может, эта ведьма меня вчера сглазила? И зачем я разрешил налить ей текилу? Я вздохнул.

И что дальше? Куда валить? Надо выручать Вовчика, но как? Позвонить. Сунул руку в карман и вспомнил, что мой утопленный айфон наверняка крякнул.

— Глеб, где моя мобила?

— В ауте, босс.

— Как думаешь, очухается?

— Хз ваще.

— Батя че базарил? Клуб реально прикроет?

— Ага, если мы еще хоть раз тебя сюда пустим.

— Значит, не прикроет, — я вздохнул: хоть это радует. —

Слушай, вызови мне таксон.

Бармен завис, сморщился, будто не знал, что ответить, потом зыркнул на меня и выдал:

— Извини, босс, не могу. Гаврила Романович забанил мне помогать тебе.

— Да батя не спалит.

— Ты уверен?

После вчерашнего я уже ни в чем не был уверен.

— Че хоть произошло? Это можешь слить?

— Ты наклюкался, устроил движ, всех гостей распугал.

— Я распугал? Да ладно!

— Да тебя подначивала эта...

— Мирка?

— Точняк, она.

— А Вовчика почему менты забрали?

— Хз...

— Япона мать! А я какого фига здесь?

— Охрана отмазала. Тебе бы перекантоваться где-нибудь за городом.

Хм, за городом... Толстый намек на тонкие обстоятельства. Я поднял голову и поймал взглядом движуху возле две-

ри. Наверняка стафф сейчас на взводе, боится мне на глаза показаться.

— Ну, даже за город мне надо на чем-то добраться. У тебя машина есть?

— Есть.

— Лады, — я встал. — Бросай тут все, поехали.

Против лома нет приема, вот так и против меня. Глеб швырнул полотенце, которым протирает стаканы, на спинку стула, следом отправился фартук, и с видом побитой собаки поплелся к черному выходу. Через полтора часа его драндулет тормозил у центрального входа в отель.

Я прямой наводкой рванул в кабинет директора. Щас порую тут немного, батя отвиснет. Сессию потом добыю. С ноги открыл дверь, а там облом: директора нет на месте. Зато в его кресле сидел помощник моего бати, Максим Олегович Шилов, и насмешливо смотрел на меня.

— Проходи, садись, — спокойно предложил он.

— Ты чё тут забыл, Макс?

— Тебя жду, — заулыбался он еще шире и встал.

— Зачем?

— Решением совета компании...

— Окей, окей, не продолжай, — я рукой махнул, подошёл к столу с водой, налил стакан: что-то сушит не по-детски.

— Свободен!

Повернулся и чуть водичкой не подавился: Макс держал на весу вешалку с формой отеля. Дождался, пока я откаш-

ляюсь, и как ни в чём не бывало заявил:

— Совет компании решил назначить тебя, Ян Гаврилович Данилов, на должность хаусмена в этом отеле.

— Кого? — я чуть глаза не выронил от удивления.

— Уборщика, если по-простому, — этот гад выплюнул словечко и сопровождал его ехидной улыбочкой.

— Ни за что! Дай мобилу, я бате позвоню.

— Не положено!

— Твою ж...

Я бросился к директорскому столу, схватил трубку стационарного телефона. Длинное «пиии» ударило в ухо.

— Отключен, — пояснил Макс.

— Да вы тут все спятили! — заревел я. — Я приехал директором стать! Видишь, его тут нет!

— Сорян, бро, ты не так понял распоряжение босса. Хаусмен! И точка!

— Да никогда в жизни!

— Тогда опустят ниже плинтуса.

— Куда уж ниже?

— Выбирай: есть вакансии портье, батлера...

— Избавь меня от этой заграничной тарабарщины! — окончательно взбесился я.

Но Макс даже бровью не повел.

— Как скажете. Тогда предлагаю попробовать профессии посудомойщика, горничной, дворника, банщика, чистильщика бассейна...

— Ну, это уже вообще беспредел...

Я подлетел к нему и выхватил вешалку с формой.

— Переоденешься, потом ознакомишься со своими обязанностями.

Макс положил папку на стол и исчез...

Шоколадная с белой отделкой форма хаусмена сидела на мне как влитая. Я приосанился перед зеркалом, одернул куртку и вышел в коридор, намереваясь прогуляться по территории и найти тихий уголок, где мог бы подремать. После шальной ночи меня еще чертовски штормило.

Но не тут-то было!

Только открыл дверь, как опять столкнулся с помощником отца. Он держал в руке ведро и швабру.

— Приступай к работе!

— Макс, свали в туман! Я не собираюсь использовать свои мускулы для мытья полов.

— А куда ты денешься?

— Дай мне мобильник! — я протянул руку. — Я позвоню батю.

— Забей! Это и есть приказ Гаврилы Романовича. Лови!

Макс всучил мне ведро со шваброй.

— Ты чё, реально меня пасти будешь?

В ответ он только средний палец показал и смотался за угол.

— Вот жёсть!

Я швырнул ведро, рванул к лифту, но спусти три шага

развернулся. Черт, надо убрать улики. Пришлось прочесать пол-этажа в поисках служебного туалета, чтобы спрятать это барахло. Наконец-то свободен! Довольный, как слон, заложил руки за спину и пошёл шататься по отелю.

Коридоры с номерами вообще не зацепили: скукота смертная и всё как под копирку. Пятый этаж, где випы тусуются, выглядел чуть бодрее. Там обычно снимают люксы под всякие движухи и праздники жизни.

По пути я заглянул в качалку, немного помахал железом, а потом поднялся на крышу — а там солнце в глаз! Офигел от сияющего бассейна, даже пощупал воду. Тёплая, кайф, но весна — не лето, купаться не тянет. Так что я просто развалился на шезлонге и вырубился.

Разбудил меня скрипучий голос.

— Эй, ты работать собираешься?

— Кто? Где?

Я сел, шуря сонные гляделки, но увидел лишь мутное пятно, очертаниями напоминавшее человека. Наконец мой взгляд сфокусировался, и я разглядел невысокого пухлого парня в очках и в такой же униформе, что у меня.

— В Караганде! — нагло ответил очкарик.

— Вот дерьмище! — я вскочил и покачнулся: голова закружилась. — Да ты хоть знаешь, кто я?

— А мне насрать! Раз нацепил форму хаусмена, работай, как все!

— Ты... — я медленно выдохнул: новый скандал мне сей-

час ни к чему. — Не видишь, я солнышку радуюсь.

— А-а-а, ну тогда отдыхай. И я не «ты», меня Степкой зовут.

— Твою ж... Вот пристал! Так, и я не «эй»!

— А кто?

Злость внезапно улетучилась. Очкарик выглядел безобидным и забавным парнем.

— Яном меня кличут, — я подошел к нему и протянул ладонь, он несмело пожал ее. — Степ, ты того, вали отсюда, дай еще чуток покемарить.

— Ну, отдыхай. Только...

— Что еще?

— Если тебя увидит Давыдовна... у-у-у...

— А это еще кто?

— Местная гримза, готова землю грызть ради хозяина и пыль с его ботинок языком вылизывать.

— Ч-что? — я даже опешил от такого заявления.

Нет, я, конечно, знал, что батя — тот еще ходок налево, мама потому и развелась с ним. Но чтобы такое...

— А то! Лучше тебе...

— Хочу пить, — я растер горло. — Принеси соку. Свежевыжатого.

Степка на мгновение замер, потом неуверенно ковырнул носком пол.

— В кухню ресторана меня не пустят...

— Ладно, вали! — я махнул рукой.

— Ну, я попробую...

Несколько минут я лежал в шезлонге и таял от блаженной тишины, солнца и тепла. Но на душе все равно было паршиво. До чего же я докатился? Сын владельца сети отелей, а меня, как какого-то бомжа, выгнали спать на крышу. И самое паршивое, что виноват в этом... только я сам. Но признать это — все равно что подписать себе приговор.

Стук каблуков вырвал меня из нирваны. Не открывая глаз, я протянул руку:

— Давай сок. А ты, однако, шустрый малый!

Тишина в ответ насторожила, я открыл глаза: рядом с шезлонгом стояла худая женщина в черном деловом костюме. Ее волосы были гладко зачесаны за уши и убраны в тугой пучок. Стальные глаза буравили меня, словно хотели проткнуть насквозь.

— Вы должны сейчас работать, — холодно заявила она.

— Если вы не в курсе, то мы ждем гостей на международную конференцию врачей.

— А я тут причем? Не, я еще малеха посплю.

Я демонстративно повернулся набок и тут услышал гудки. Резко сел. Дама, сделав невозмутимое лицо, кому-то звонила.

— Гаврила Романович...

Меня будто ветром подбросило. Я выхватил мобильник из ее пальцев.

— Не надо никуда звонить, я все понял! Достали все... блин!

Вот так и начался мой ад, растянувшийся на целый месяц. «Деревня чудес» стала моей тюрьмой. Без бабла, без тачки, без свободы. Зато я научился не морщиться от запаха чистящих средств и ныкаться от Давыдовны в серверной.

И вот сегодня, отметив в календаре на стенке в служебной каморке тридцатый крестик, я получил-таки выходной и согласие Давыдовны на служебном авто добраться до столицы. Пулей рванул в офис, чтобы предъявить отцу ультиматум, а там — облом...

Его Сиятельство Гаврила Романович улетел в Японию, оставив мне короткую записку:

«Ключи от тачки у Макса, Макс — в отеле, карта «Тройка» — в конверте»

Что б ему икалось!

Я заскрипел зубами, сгреб конверт с жалкой картонкой и через час сидел в автобусе. Всё вернулось на круги своя. Прямо в ад... На «Тройке».

Глава 6

Мила Малышева

Свадьбу Ленки назначили через месяц после помолвки. Торжество наметили за городом, в элитном парк-отеле с претенциозным названием «The magic village» — «Деревня чудес». У богатых свои причуды: Кирилл Белопольский, Ленкин жених, купался в унаследованной роскоши: заводы, виллы, яхты — всё было его.

Моя семья, словно потревоженное осиное гнездо, гудела в предсвадебной суете. Мама извелась, тщетно пытаясь угнаться за статусом будущих родственников, а папа, смирившись с неизбежным, загрузил себя работой. Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что породнится с семьей собственного босса, и, подобно страусу, прятал голову в песок.

А Ленка...

Ленка творила невообразимое. Весь месяц до свадьбы я, словно пожарный, вытаскивала сестру из клубов и сомнительных вечеринок. Выкручивалась как могла, оберегая репутацию невесты и стараясь скрыть ее загулы от жениха и всех остальных. И вот, в один прекрасный день, мое терпение лопнуло.

— Слушай, не хочешь замуж — не выходи! Ты словно с цепи сорвалась! Я тебя такой никогда не видела.

— Я хочу замуж, и Кира люблю, но...

— Что еще за «но»?

— Боюсь, — Ленка всхлипнула, шмыгнула носом, и в следующее мгновение разразилась настоящей бурей слез, устроив персональный всемирный потоп.

— Ну чего ты боишься, дуреха?

— А вдруг Кир узнает?

«Что узнает?» — хотела спросить я, но прикусила язык.

В юности, на спор с приятелями, Ленка выкрала в магазине зубную нить. Дерзко сунула ее в карман, наивно полагая, что проскользнет незамеченной мимо терминала.

Ага! Как же!

Пронзительный писк сканера поднял на ноги всю охрану. Задержали, отмотали пленку камер, вызвали наряд. Вроде бы плевое дело, оно разрешилось жалким штрафом, но клеймо привода в полицейский участок осталось навсегда.

И это лишь малая часть ее буйных выходок.

Подростковый период сестрицы был подобен неукротимому урагану, скандальному, затяжному, держащему всю семью в состоянии перманентной тревоги. Чего стоили одни только метаморфозы ее прически! То череп, словно бильярдный шар, то взъерошенный ирокез, раскрашенный во все цвета радуги, то спутанные дреды, падающие на плечи, как змеи. Лишь к двадцати двум годам Ленка укротила свой нрав и встала на путь истинный.

В сравнении с феерическими чудачествами сестры моя жизнь казалась до оскомины правильной и невыносимо

скучной. Вот сестрица и сокрушалась. Выходя замуж за Кирилла, она должна была породниться с влиятельной семьей, известной своим безупречным имиджем. Эта перспектива тяготила Ленку, словно непосильная ноша, и я ее понимала.

— Иди ко мне!

Я обняла сестру, прижала к себе и, не выдержав, тоже разревелась.

Кризис невесты отступил, Ленка востропала и с головой ушла в свадебные хлопоты. Тот самый день неотвратимо приближался. Обе семьи умчались в отель за два дня до торжества, стремясь довести приготовления до совершенства, а я задержалась из-за злополучного экзамена.

Из-за него опоздала на электричку. Пришлось мчаться на автовокзал. К моему счастью, автобус, отправлявшийся в пригород, еще был на стоянке и журчал мотором. Не успела я добежать, как двери закрылись, и он тронулся.

— Стойте! Погодите! — я отчаянно замахала руками, привлекая внимание водителя.

Но он смотрел в другую сторону, тогда я забарабанила в стенку автобуса. Он резко затормозил, обдав меня запахом бензина. Обнимая чемоданчик, я влетела в салон и замерла, выискивая свободное место. Заметила одно в середине автобуса, стала пробиваться к нему через сумки. И тут зацепила что-то углом чемодана.

— Осторожнее можно! — рявкнул кто-то.

— Ой, простите! Тут тесно, — я повернулась и опять ко-

го-то задела.

— Еп... — раздался вопль за спиной.

— Простите! Я сейчас. Не подскажите, куда можно положить чемодан?

— Девушка, сядьте, наконец! — попросил водитель. — Мы отправляемся.

Я подняла чемоданчик, намереваясь засунуть его на багажную полку, как вдруг из бокового кармана вывалился учебник по «Общей психологии» и, словно снаряд, полетел прямо в чью-то голову.

— Ты... ёклмн... Мисс Катастрофа! — взревел оскорбленный незнакомец.

Обернувшись, я в ужасе застыла: парень, сидевший у прохода, яростно тер свой многострадальный нос.

— Ой, простите! Ради всего святого, простите! — я наклонилась за книгой, ударила лбом о его колено, вскрикнула.

— Прижми уже свою пятую точку, тетеха! — рявкнул незнакомец.

Я вскинулась, хотела ответить на оскорбление и тут заметила рядом с парнем пустое кресло.

— Можно я?..

И сразу робко начала переползать через незадачливого пострадавшего, как вдруг автобус, словно взбесившийся конь, дернулся. Взмахнув руками, я полетела вниз.

Приземление было неожиданно мягким: я рухнула пря-

мо на колени незадачливому соседу. Проклятые очки пере-
косились на переносице, лишив меня обзора. Выругавшись
про себя (ну, может, и вслух, кто знает?), я вернула беглецов
на законное место и... БАЦ! Мой взгляд встретился с ЕГО
взглядом!

— О-о! Как это понимать?

Кровь бросилась мне в лицо, шею и уши опалило жаром.
Будь проклята моя неуклюжесть!

— Простите меня! Автобус так внезапно дернулся!

— Я понимаю, тебе удобно, — ехидно сказал он, посмот-
рев с таким саркастическим прищуром, от которого сердце
забилося сильнее, — но еще долго будешь сидеть?

— Ой!

Я попыталась элегантно подняться, оперлась ладонью о...
Ой-ой-ой!

Кажется, моя рука приземлилась слишком... высоко! В
панике я попыталась переставить ее, но ладонь скользнула по
его джинсам и уперлась во что-то... твердое! Я издала писк,
достойный мыши, внезапно столкнувшейся с котом, а авто-
бус, решив, что это забавно, совершил очередной вираж, и
мое тело само собой переместилось на... правильное место!

— Простите!!! — пролепетала я, готовая разрыдаться от
смущения.

— Ты!.. Умоляю, просто молчи! — простонал парень, за-
крывая глаза с видом мученика, переживающего жестокую
пытку.

Я тут же превратилась в невидимку, схватила книгу, надеясь спрятаться за буквами.

Ха! Да где там!

Мудрые изречения автора отказывались проникать в сознание, охваченное паникой. Зато мои собственные мысли, как стая бешеных пчёл, носились в голове, не давая ни секунды покоя. Ну почему, ну почему я такая катастрофически невезучая?!

Мало того, что умудряюсь влипнуть в неприятности с завидной регулярностью, так ещё и на свадьбу сестры пришлось переться в эту богом забытую глушь. Неужели нельзя было провести торжество в скромной домашней обстановке, с чайком и душевными разговорами? Или, на худой конец, закатить пир на весь мир в каком-нибудь городском ресторане, если уж так хочется пафоса и пышности. Но нет, мы не ищем лёгких путей!

Я обреченно вздохнула и покосилась на соседа, который крепко спал, похрапывая. Его голова болталась: то падала набок, то запрокидывалась, то с глухим стуком обрушивалась на грудь.

«Неудобно же человеку, — подумала я и даже руку протянула, чтобы его разбудить.

Но тут же одёрнула себя. — А вдруг он решит, что я к нему пристаю? Нет уж, увольте! Мне ещё только этого не хватало!»

Тогда просто закрыла глаза и... вырубилась! Видимо,

приключения – это утомительно!

Проснулась от толчка. Кто-то отчаянно тряс меня за плечи, прогоняя последние остатки сна.

— Девушка, проснитесь! Мы приехали!

— Где? Что происходит? — пробормотала я, распахивая глаза.

За окном нагло сияло солнце, автобус не двигался, а надо мной навис водитель с выражением вселенской усталости на лице.

— Конечная. Выходим.

— Ой! — только и смогла выдавить я, схватила чемодан, выскочила из автобуса, и нос к носу столкнулась с сердитым соседом, который как раз вытаскивал сумку из багажного отделения.

Чтоб ему пусто было! Ну почему мне так не везет?

На этот раз хорошенько разглядела его. Красивый, чертяка! Высокий, как модель с обложки глянца, мускулы играют под дорогушим кашемировым свитером, а узкие джинсы... о, эти джинсы подчеркивают его... безупречный вкус!

Дорогой, стильный, и наверняка жутко заносчивый. Да что ж такое-то! Как можно быть таким раздражающим и таким... притягательным одновременно?

И этот высокомерный засранец окинул меня ледяным взглядом с головы до пят и заставил почувствовать себя пылью под его ногами.

Он всегда такой высокомерный или нацепил маску?

Я поставила чемодан на землю, вытащила ручку и, гордо вскинув подбородок, словно королева, продефилировала мимо.

— Да что б тебе! — раздался сзади вопль.

Я развернулась: попался какой-то неженка!

— Ну, а теперь-то что?

Парень подпрыгивал на одной ноге, а на белоснежном мокасине, еще секунду назад кристально чистом, виднелся предательский черный след от колеса моего чемодана.

О, вот тут-то до меня и дошло: пора делать ноги!

Я шустро понеслась по подъездной дорожке к центральному входу в отель, мечтая лишь о том, чтобы он не догнал меня.

Глава 7

Мила Малышева

Через час я смотрела на свою невероятно красивую сестричку и вытирала слезы, норовившие пролиться из глаз. Пышное свадебное платье подчёркивало ее осиную талию и высокую грудь. Волосы, уложенные локонами и украшенные живыми цветами, обрамляли ее лицо в форме сердечка. Огромные синие глаза стали еще больше от удачного макияжа, а пухлые губы дрожали.

— Только не это! — бросилась к сестре мама.

— Мам, — Ленка всхлипнула. — А если они узнают?

— Перестань это без конца повторять!

— А вдруг я не уживусь в этой семье? Что тогда?

— Ленка, не начинай! — всполошилась мама.

Она очень волновалась, зная свою неразумную и непредсказуемую дочь. И я понимала ее. Если брак сестры развалится, пострадает вся наша семья: отец вряд ли сохранит работу секретаря-референта, а без нее...

Я мысленно представила его потухший взгляд, и мне стало не по себе.

— Мне надо выпить! — вдруг завопила Ленка и, наступая на подол свадебного платья, бросилась к столику, на котором стояли фрукты, шоколад и вино.

— Нет! — взвизгнули мы с мамой.

Я кинулась наперерез, закрыла собой столик и захлопала в ладоши.

— Так, заканчиваем страдашки! Через пятнадцать минут начало.

— Что!

Мама и Ленка вздрогнули и обе вытаращили одинаковые голубые глаза.

— На время посмотрите!

— Милка, боже! Ты еще не одета? — охнула сестра.

— Одета, — растерялась я и оглянулась на дверь: далеко ли до нее?

— Ты хочешь нашей смерти? — завопили обе. — Будто на похороны заявилась.

Я недоуменно оглядела себя: это они мой деловой костюм так сейчас охаяли? Ну да, я только что из универа, сдавала экзамен. Не всем бездельничать.

— Немедленно надевай! — рывкнула мама.

Я посмотрела в угол, где на вешалке висело ужасное розовое платье подружки невесты, и вздрогнула. Я всеми силами пыталась избежать этого безобразия, но мама и сестра пошли на меня, и пришлось сдаваться.

— У меня же очень хорошенький новый костюмчик, — выпалила я на всякий случай. — И даже не совсем черный. Вы только приглядитесь.

— Нет!

— Ладно, ладно, я сейчас.

Я схватила платье, нырнула в спальню, испуганно уставилась на огромную кровать, на белоснежном покрывале которой лепестками роз было выложено пылающее сердце, и шарахнулась обратно. Только начала снимать блузку, как дверь в номер невесты открылась.

— Девочки, вы готовы? — послышался голос Кирилла.

— Уйди! — завизжала Ленка. — Плохая примета.

Дальше я не слушала. Натянула на себя розовое безобразие и чуть не заплакала. Сейчас я походила на уродливую куклу Барби или на диснеевскую принцессу, правда, только одеждой. Ни мое лицо, ни фигура не вписывались в эти образы.

Увы, мне не досталась кукольная внешность сестры. Я стояла в этом розовом кошмаре и чувствовала себя не Золушкой на балу, а гусеницей, которую заставили надеть кокон наизнанку. Когда я смотрела на себя в зеркало, в голове крутились строчки песни: «Слева горы, справа горы, а в душе Кавказ».

Темные, густые и тяжелые волосы, круглые карие глаза, коровьи ресницы, которые все время хотелось подрезать. И вишенка на торте — маленький рост. Я на полголовы была ниже Ленки. Эдакий гриб-недоросток. И пышное платье только еще больше уродовало меня.

— Ну что, наша Золушка готова поразить мир? — мама заглянула в спальню. — Давай застегну молнию.

— Спасибо.

Я повернулась к ней спиной, ненавидя себя, сестру, решившую выйти замуж за сыночка олигарха, и это душашщее розовое чудовище. Грубые кружева кололи кожу, а атласная подкладка противно липла к спине.

«Сниму его сразу после бракосочетания», — пришла спасительная мысль.

— Еще бант на волосы.

— Мама, ну зачем? — застонала я.

— Не перечь мне, Людмила! Хотя бы ты не трепи мои нервы. И сними это уродство! — она сдернула с моего носа очки. — Сколько раз говорила: носи линзы!

Я молча кивнула. Проклятое платье так стянуло мои ребра, что места для воздуха не осталось.

— Вы идите, я сейчас, приберусь тут.

— Мила, время!

— Мама, ты хочешь опоздать?

— Ой!

Мама вылетела за дверь. Я, шаря руками, потому что толком ничего не видела, быстро сложила свои вещи в шоппер и выскочила следом. Только свернула за угол, как со всего размаху врезалась во что-то. Меня окатило с ног до головы ледяным душем. Миг — и я стояла мокрая насквозь, а розовый кошмар на мне превратился в мокрую тряпку, прилипшую к ногам.

Чтоб тебе пусто было! — взывала я и посмотрела на препятствие.

Передо мной стоял тот самый высокомерный засранец из автобуса и хлопал ресницами с видом человека, только что увидевшего привидение, да еще и мокрое.

Вместо стильной одежды от кутюр, на нем сейчас была надета униформа отеля, и сидела она на широких плечах заносчивого парня так, словно он принарядился для фотосессии. В одной руке он держал поднос с опрокинутым ведром для льда, а в другой — бутылку шампанского. Я представила, что бы со мной случилось, если бы он не успел подхватить бутылку, и вздрогнула.

Вода от кусочков подтаявшего льда капала с подноса и растекалась лужицей по полу.

— Смотреть надо, куда несешься, коза! — рявкнул работник, не узнав меня, и присел, собирая лед.

— Ах, я коза? — выиграло во мне бешенство. — А ты... Ты...

Он неторопливо встал, окатил меня ледяным взглядом холодных серых глаз. Я мгновенно почувствовала себя ничтожеством, тараканом, участь которого — быть раздавленным под каблуком.

— Ну, и что я? — насмешливо фыркнул парень и ядовито прищурился. — Продолжай!

Слов у меня в запасе не нашлось. Я просто пнула его острым носком туфли по голени и отскочила в сторону.

— Ты... Мелкая стерва! — взревел он.

— Ян, чем ты занимаешься? — раздался грозный голос

сзади.

Я обернулась: из лифта вышел молодой мужчина в строгом костюме. Я бросилась к нему.

— Ваш сотрудник сбил меня с ног и окатил водой. Он испортил моё платье, но, вместо того чтобы извиниться, еще и оскорбил.

— Ничего подобного, Макс... Максим Юрьевич. Это она неслась на меня, как ведьма на метле.

— Вот, слышите! — я торжественно откинула с лица мокрые волосы. — Теперь я еще и ведьма.

— Девушка, мы обязательно с ним разберёмся, — вежливо улыбнулся мужчина, которого наглец назвал Максом. — Как я могу компенсировать вам эту неприятность?

— Пусть этот мистер Зазнайка извинится.

— Я? Да ни за что!

— Девушка, отель дарит вам эту бутылку шампанского, — незнакомец выдернул бутылку из рук нахала. — И, если вы назовете свой номер, хаусмен принесет вам фрукты и сладости.

Номер? Я озадаченно посмотрела на мужчин. Если бы я его знала! Меня встретила сестра в холле отеля, я шла за ней, не глядя по сторонам.

— Н-на этом этаже, — я обернулась и уставилась на длинный коридор с одинаковыми дверями, терявшийся в мутном мареве. Из какого номера я вышла? — К-кажется, этот... Или, может, тот...

— Макс, ты теперь понимаешь? — уборщик торжественно потряс поднятым пальцем. — Она вообще не постоялец нашего отеля. Стоп! Может, она воровка?

Такое предположение возмутило меня до крайности. Нет, каков мерзавец!

— Я не воровка! У меня ключ есть, — с облегчением вспомнила я, вытащила магнитную карту-ключ из сумочки и замерла: на ней не было цифр.

— Ха! Да я таких карточек сколько угодно на цветном принтере напечатаю. Воровка, как есть. Макс, вызывай охрану.

И тут дверь лифта снова открылась, и в коридор выскочила мама. Увидев меня в компании двух мужчин, она вскрикнула, ее лицо, блестевшее от пота, исказила гримаса отчаяния.

— Мила, да что же это такое! Мы тебя потеряли. И... Что здесь происходит? — тут она увидела, что мое розовое безобразие покрыто мокрыми пятнами. — О боже! В каком ты виде!

Мама всплеснула ладошками, схватила меня за плечи, развернула, как куклу. Слава богу, что не шлепнула по пятой точке от злости, иначе бы я сгорела от стыда.

— Мадам, из какого вы номера? — крикнул вслед администратор. — Мы пришлем вам комплимент от отеля.

— Этого хватит.

Мама выдернула из рук заносчивого хаусмена бутылку

шампанского и потащила меня за собой.

— Переодевайся немедленно! — закричала она, только мы влетели в номер.

— Мам, у меня, кроме черного костюма, ничего больше нет.

— Надевай брюки и белую блузку! Живо!

Я раскрыла шопер и охнула: мой деловой костюм был мокрым насквозь. Оказывается, вода из ведра больше попала в сумку, чем на меня. Мама растерянно вытащила блузку, брюки и жакет и чуть не заплакала.

— Мамочка, беги!

— Фен! Тут должен быть фен!

Мама кинулась в ванную комнату, но я бросилась наперерез.

— Мама, тебе опаздывать нельзя. Да и горячим воздухом я только испорчу блузку. Ленка поймет. Я вас в номере подожду.

— Точно ты не обидишься?

— Сто процентов!

Я подтолкнула ее к двери, чмокнула в щеку, но она все еще сомневалась.

— Нет, Мила, это же свадьба твоей сестры.

— И свадьба твоей дочери. Что важнее? Мама, время!

Она больше не настаивала и пулей вылетела из номера.

Наконец-то я осталась одна!

Глава 8

Мила Малышева

Я закружилась по комнате. Взглядом зацепила вазу с фруктами, бутылку вина, шоколад, овощную нарезку...

Эх, где наша не пропадала! Когда мне еще доведется так отдохнуть?

Тут же бросилась в ванную комнату и замерла, разглядывая чугунное чудовище на львиных лапах. Я такие ванны видела только в кино. Трубы, краны, душевые лейки – все из сверкающей, холеной латуни, сияющей ярче солнца.

А убранство... Божечки-кошечки! Зеркала множились до бесконечности, цветы благоухали, разноцветные шарики и баночки лукаво подмигивали, а мягкие полотенца так и манили.

Да это же не ванная, а настоящий райский уголок для нобельщиков! И сейчас все это великолепие... для меня одной-единственной!

— Ущипните меня, я, кажется, сплю! — взвизгнула я, налила ароматной пены и пустила в ванну воду.

Этого мне показалось мало. Я заглянула в каждый шкафчик, нашла бомбочку, кинула ее в воду. Довольно покачала головой, переделась в халат, налила себе бокал красного игристого.

Я ждала, пока наберется вода, делала маленькие глоточки

и с наслаждением смаковала дорожное вино.

Только собралась забраться в ванну, как вздрогнула от стука в дверь и чуть не опрокинула на себя вино.

— Простите... есть кто в номере?

Голос мне показался знакомым, я подбежала к выходу.

— Что надо?

— Вам комплимент от отеля.

Я озадаченно посмотрела на дверь: открыть или нет?

— Спасибо, не надо.

— Девушка, заберите этот чертов комплимент! — зло рявкнул разносчик. — Иначе...

Вот теперь я его узнала, и опять в душе будто ураган закрутился. Я распахнула дверь. За ней стоял ненавистный красавчик-хаусмен. Он оттолкнул меня и вкатил в номер столик.

— Что это? Зачем?

— Начальство велело.

Он уже пошел обратно, и вдруг я поймала его взгляд, направленный на мои ноги.

— Куда уставился, нахал! — заревела я.

Резко запахла полу, но бокал с вином накренился и выплеснулся на его форму.

— Слушай, мисс Катастрофа, ты снова в своем репертуаре! — завопил он. — Ты что наделала? Да я тебе...

— Ну, слушаю? — я уперла руки в бока и пошла на него, выпитое вино придавало мне смелости. — И что ты мне сдела-

ешь, мистер Зазнайка? Я вип-клиент! Так что, дорогой, — я дернула его за воротник рабочей куртки, — захлопнись!

— Да ты сбрендила, коза!

— А за козу ответишь!

Я схватила со стола шампанское и начала откручивать на крышке проволоку. Уборщик подскочил ко мне, выдернул бутылку из пальцев. Бедняжка: сегодня она меняет хозяина по щелчку.

— Ян, что ты здесь делаешь?

Мы оба повернулись: в дверях стояла женщина, чей внешний вид кричал о порядке, дисциплине и тотальной войне с малейшим намёком на хаос. А высокомерный красавчик как раз и олицетворял собой этот хаос.

Я приготовилась наблюдать за представлением.

— Мария Давыдовна, я только подарок от отеля привез,

— тут же заторопился уборщик. — А эта девка...

— Гость отеля, — перебила его администратор.

— А эта...

— Ян, на выход. Напомни мне, какой сегодня день?

— Да что б вас всех здесь! — заревел парень и вылетел в коридор.

— Что, съел? — ехидно фыркнула я и показала ему язык.

— Вот увидишь, наша следующая встреча будет для тебя гораздо менее... комфортной, — прошипел он, с ненавистью глядя на меня.

— Ян, приведи себя в порядок!

Дама-администратор взяла скандалиста-уборщика за рукав и потянула за собой. Ее пальцы с аккуратным маникюром впились в ткань так, что побелели костяшки. А я захлопнула дверь и прижалась к ней спиной. Ноги отчего-то дрожали, колени подгибались, но одержанная победа придала мне сил.

Я вернулась в комнату и подошла к сервировочному столику, который вкатил в номер уборщик. Здесь было блюдо с овощной нарезкой, тарелка с пикантными рулетиками, еще одна ваза с фруктами и бутылка вина.

И тут я заметила возле салфеток ключи от машины. Они были явно чужими на этом празднике для желудка. Схватила их, бросилась к двери, но на полпути застыла. У дамы в строгом костюме не было карманов, она в комнату не заходила. Значит, это ключи Яна.

— Ничего, пусть побесится и походит пешком, подумает о своем поведении, — удовлетворенно улыбнулась я и сунула ключи в карман халата.

Я вымыла голову, замотала ее полотенцем, наложила себе на тарелочку овощей и фруктов, погрузилась в ароматную пену и запела от переполнявших меня эмоций:

— Помоги мне! Помоги мне!

В желтоглазую ночь позови...

Глава 9

Ян Данилов

Давыдовна в своем кабинете упражнялась в красноречии. Ее слова камушками летели вниз по склону, барабанили по моей макушке, но ни один так и не сумел пробить броню безразличия. За месяц работы я выдрессировал в себе поразительную способность: не слышать. Как говорится в народе, «собака лает — ветер носит».

Я молчал, считая секунды до конца этой пытки. Сегодня был тридцать первый день моего «безупречного» служения, и стрелки отсчитывали последние часы.

Вернувшись днем из столицы, я сразу же направился к Макс, шлепнул на стол записку отца и заявил:

— Давай сюда.

— Хм...

Макс встал, пожевал губами, побренчал чем-то в кармане. Я даже вытянулся в струнку: неужели там мои ключи, ключики, ключочки... А вчера я еще и зарплату получил. Смешную, по моим меркам, но это были первые деньги в руках после того, как батя забрал все карты.

В груди все пело, я готов был пуститься в пляс, планы один другого интереснее вспыхивали в голове.

— Ян, не в службу, а в дружбу, отработай сегодня смену,

— Макс наконец посмотрел на меня и начал вытаскивать из

кармана руку.

— Сегодня? У меня же выходной и... планы, — я, не отрываясь, следил, как из кармана показывается его ладонь. — Ты издеваешься?

Рука показалась на свет... пустая. И что-то снова брякнуло, провалилось в глубину. Я выдохнул. Разочарование волной прокатилось по телу. Так бы взял Макса, завалил с одного хука справа и сам забрал то, что мне причитается.

— Нисколько. У нас свадьба у випов. Гаврила Романович сам хотел принимать гостей, но, увы... Каждая пара рук на подхвате. А ключи... у меня в машине. Сейчас принесу.

Я скрипнул зубами от злости, но бросился переодеваться. Макс слово сдержал: принес ключи как раз в тот момент, когда я столкнулся с дерзкой девчонкой. А дальше события понеслись лавиной.

Вот и сейчас я вполуха слушал нотации Давыдовны, а в голове прокручивал планы: куда поехать первым делом.

— Ян, в семь вечера доставь свадебный торт в шатер на берегу водохранилища, — заявила вдруг Давыдовна, глядя поверх очков.

— Это почему я? Моя смена... Пусть Степка...

— Некому! Степан занят. Потом дуй отсюда на все четыре стороны.

— Свободен окончательно и бесповоротно?

— Ну, — уголки губ менеджера предательски дрогнули в подобии улыбки. — До следующей смены.

Я выдохнул. Призрак долгожданной свободы замаячил впереди. Я сунул руку в карман, где лежали ключи, и обомлел: там было пусто.

Где они?

Паника взорвалась в мозгу фейерверком тревоги, я заметался по кабинету, словно кот, которому на хвост наступили. Забыв о приличиях, рванул вон, не обращая внимания на истошные крики Давыдовны.

Где? Куда они подевались, эти проклятые ключи?

Пронесся по коридору, оглядывая каждый закоулок, но все тщетно. Тогда метнулся к лифту — в кабинке их не было.

Стоп! Я вцепился пальцами в виски, пытаюсь поймать ускользающую мысль.

Макс вернул ключи, после чего я сунул их... И тут память услужливо подбросила яркую картинку: ключи лежат на сервировочном столике, который я вез к номеру мисс Катастрофы.

А там — бурная сцена, вопли обиженной девчонки и триумфальное появление Давыдовны. Пазл сложился.

Как угорелый бросился на пятый этаж, шепча лихорадочную молитву, чтобы эта девица все еще не покинула номер.

И тут меня будто электрическим током ударило! Рация!

Я сорвал тангенту с плеча и хотел было заорать в эфир, как вдруг из злополучного номера донесся какой-то странный приглушенный шум. Настороженно прислушался. Чей-то полный отчаяния голос взывал о помощи:

— Помоги мне! — вопила девица. — Помоги!

Что могло случиться у козы из вип-номера? Разве что сломался ноготь или отклеилась ресница.

— Девушка, у вас все в порядке? — на всякий случай постучал я в дверь. Все равно же мне нужно было как-то забрать свои ключи.

Прислушался — тишина. Уже готов был махнуть рукой, как вдруг до моего слуха донеслось отчетливо:

— Помоги... Мне...

— Есть тут кто живой в конце концов? — я заорал в рацию во все горло. — Нужно немедленно проверить номер пятьсот второй! Срочно!

А сам побежал по коридору в отчаянных поисках хоть какой-нибудь горничной. Но, как назло, ни одной юбки в поле зрения.

Зато Степка с выпученными глазами примчался через пару минут.

— Что стряслось?

— Я вроде как не тебя звал, — изумился я.

— Забыл, что ли? Ты зачем-то перенастроил сигнал на меня. Держи.

Твою ж дивизию в котелке! Точно, забыл! Я выхватил у приятеля контрольный ключ-вездеход от всех номеров отеля, открыл дверь и забежал внутрь.

В номере царил бардак. Везде валялись разбросанные вещи, краем глаза я зацепил бюстгальтер, свисавший со спин-

ки кресла, валявшиеся на полу чулки, туфли на высоком каблуке.

В ванной плескалась вода. И вдруг пронзительное:
— Помоги мне! — разорвало воздух.

Я метнулся к ванной, распахнул дверь и остолбенел: мисс Катастрофа, словно русалка в пене, возлежала по горло в душистом облаке и хриплым, сорванным голосом выводила арию из «Бриллиантовой руки». Ее глаза закрывали кружочки огурцов, в уши были вставлены айрподсы, одна ножка кокетливо свешивалась за край чугунной ванны. Девчонка, словно дирижер, взмахивала рукой, болтала ногой и вопила во все горло:

— Видишь, гибнет, сердце гибнет!

В огнедышащей лаве любви!

— Да чтоб тебе икнулось! — выпалил я и пулей вылетел из ванной.

— Что? Что там?

Степка попытался заглянуть через мое плечо, но я уже захлопнул дверь.

— Ничего! Випша развлекается.

— Голенькая? — у приятеля даже глаза загорелись.

Я открыл было рот, чтобы одернуть его, но запнулся. Предположение Степана тут же нарисовало в голове пикантную картинку. И ведь правда, на девчонке ничего не было. Невольный комок подкатил к горлу, лицо охватил предательский жар.

— Не разглядывал особо. Думал, ей плохо, а она... Да и вообще, пошли отсюда.

Я метнулся к сервировочному столику, сгреб тарелки в сторону, перевернул судки — ключей нигде не было.

— Ты что ищешь, бро? — прошептал Степан, подозрительно оглядываясь.

В это время Катастрофу накрыла новая волна вдохновения, и она заорала современное: — Сигма-бой, Сигма-бой!

— Ключи, — обернулся я к нему. — Ты не видел мои ключи от тачки?

— Не-а. Так у тебя ж нет машины.

— Уже есть. Батя вернул ключи, я их на столик положил, а теперь их как ветром сдуло.

— Надо спросить у этой нимфы, — Стёпка кивнул на дверь в ванную.

— Думаешь?

— Ну, логично же. Только, бро, я, пожалуй, пойду, — приятель двинулся к выходу. — Тебе скоро уезжать, а мне ещё здесь пахать и пахать.

— Вали! Как-нибудь сам разрулю!

Он дал деру с такой скоростью, будто в зад ему моторчик вставили. Я озадаченно посмотрел вслед, потом перевел взгляд на дверь ванной. Зайти или не зайти? И что будет, если зайду? Катастрофа поднимет вой, закатит истерику, начнет метаться голой по номеру.

— Черт бы все подрал! — прошипел я сквозь зубы.

Ситуация патовая!

И уйти без ключей не могу, и находиться в президентском номере без приглашения — прямой путь к проблемам. Ещё несколько мучительных секунд я собирался с силами и, наконец, решившись, распахнул дверь в ванную.

— Слушай, ты это... куда мои ключи подевала?

Но Катастрофа словно не слышала. Теперь в ее холеных пальчиках красовался бокал с рубиновым вином. Она небрежно крутила его за ножку, и звонкий смех рассыпался по ванной. Я, недолго думая, бросился к ней и вырвал бокал из рук.

— Кто здесь? — взвизгнула девчонка и попыталась сесть ровнее.

В глазах у меня помутилось: сквозь кружевную пену игриво промелькнули розовые соски и тут же скрылись.

— Куда дела ключи? — процедил я сквозь стиснутые зубы, стараясь унять сбившееся дыхание.

— А ну, вон отсюда! — завопила она. — Никаких ключей я в глаза не видела!

— Да быть такого не может! Я же сам оставил их на сервировочном столике.

— Где оставил, там и ищи, кладоискатель хренов.

«Вот же мелкая пакостница!» — ярость, словно электрический разряд, пронзила мозг. Еле сдержался, чтобы не вытащить ее за шкурку из ванны и не встряхнуть хорошенько, чтоб впредь знала, как с людьми разговаривать.

— Нет их там, хоть тресни.

— Ну, тогда посмотри под столом.

Я бросился к двери. Пот градом катился по лицу, влажный воздух, казалось, забрался даже под трусы. Уже схватился за ручку двери, но вдруг замер на полушаге.

— Да ты просто издеваешься?

— Ага! — весело ответила Катастрофа.

Она убрала огурцы с глаз, нырнула глубже в пену, только нога по-прежнему свисала с края ванны.

— Да я тебе сейчас...

Я очертя голову бросился обратно в ванную.

— В кармане халата твои ключи! — пронзительно взвизгнула она и выставила перед собой руки в защитном жесте.

И опять резкое движение открыло ее грудь. Это было просто невыносимо. Я не понимал, что творится с моим телом, оно взбесилось и реагировало на эту вредную девчонку против моей воли!

Халат висел тут же, на крючке. Я дернулся к нему, мечтая поскорее убраться из этого проклятого номера. Вытащил ключи, сжал их в кулаке, и вдруг почувствовал, как что-то коснулось меня прямо между ног. Опустил взгляд и обомлел: девчонка пальцами ноги нахально скользила по внутренней стороне моего бедра. И не просто скользила, а щекотала, играла, дразнила.

— Да ты совсем ку-ку? — прошептал я в совершенном раздрае чувств.

Она вдруг села в ванной, полностью обнажив грудь, схватила меня за куртку и дернула на себя.

— Хочешь, вместе примем ванну? — промурлыкала она, как кошечка, и сладко облизнула губы.

И тут до меня дошло: она пьяна! Как же я раньше не заметил? Абсолютно пьяна в стельку.

— Да ты с катушек слетела! — рывкнул я.

Оттолкнул ее от себя, взмахнул руками и вздрогнул: ключи, словно подкошенные, вылетели из кулака, описали плавную дугу и с характерным «бульк» камнем пошли на дно.

— Ха-ха-ха! — девчонка пришла в полнейший восторг. — Ты не хочешь, так твои ключики не против. Ути-пути, плывите ко мне!

Она вынырнула из пены, встала на коленки, плюхнулась обратно в воду, мелькнув румяными ягодицами, и тут же вынырнула. Полотенце, которым были замотаны ее волосы, развернулось и шлепнулось прямо на мои мокасины. Я отпрыгнул в сторону, поскользнулся на мыльной пене и, не найдя опоры, тоже рухнул в воду.

Мир перевернулся. Вернее, он сузился до размеров чугунной ванны, наполненной теплой водой, пеной и одной абсолютно сумасшедшей русалкой. Я рухнул в воду с грацией тонущего бегемота, приняв на себя основную массу жидкости. Пена хлынула через край, заливая пол.

— Ой-ой-ой! — взвизгнула Катастрофа, когда я приземлился рядом с ней, подняв цунами. — Теперь это наш общий

корабль!

Она тут же вцепилась в меня, как обезьянка, видимо, решив, что я новая игрушка. От нее пахло шампанским, дорогим гелем для душа и чистым безумием.

— Ключи! — прохрипел я, пытаюсь отцепить ее цепкие пальцы и одновременно нащупать дно ванны ногами. — Где ключи?!

— Ищем на дне! — радостно объявила она и нырнула, утянув меня за собой в пенную пучину.

Я отчаянно шарил руками по ванне, но натыкался то на бедро девчонки, то на ее грудь, то на упругую попку. И каждый раз разряд тока прошивал меня насквозь. Наконец пальцы нащупали что-то металлическое. Я ухватился за это и... чуть не застонал, осознав, что держу цепочку от слива.

— Нашла! — завопила над моей головой Катастрофа.

Я отбросил мокрые волосы с лица и увидел, что она, сияя, держит в руке мои ключи.

— Отдай!

Но чертовка прижалась спиной к скользкому бортику ванной, свесила руку и игриво заявила: — Выкуп!

— Какой еще выкуп?! Дай сюда!

Я схватил ее за плечи. Она соскользнула в воду и оказалась подо мной. Мы были так близко! Лицо к лицу, губы к губам. До ломоты в скулах захотелось впиться в эти пухлые, влажные губы. Катастрофа смотрела на меня снизу вверх огромными, искрящимися глазами, и в них плескались смех

и... желание.

Запах шампанского вдруг стал опьяняющим, а безумие — заразительным. Легкий стон сорвался с ее губ, и этого оказалось достаточно. Мой дружок тут же встал по стойке «смирно».

Я попытался выбраться, но Катастрофа вцепилась в меня мертвой хваткой. Она словно не замечала, что лежит голая в ванной с мужчиной. В отличие от меня, ее ситуация развлекала и радовала.

— Спой со мной! «Сигма-бой, сигма-бой»!

— Отвали, зараза! — застонал я. — Отдай ключи!

— Спой со мной! Ну что, тебе трудно, что ли?

Я завел ее руку ей за спину, выдернул ключи из пальцев, выбрался из ванны. Вода потоками стекала с одежды, внутри меня горел адов огонь. Я только повернулся, как Катастрофа бросилась на меня со спины, обхватила за шею руками, за торс ногами и завопила:

— Но, лошадка, поехали!

В этот момент дверь в ванную с треском распахнулась. На пороге, окаменев, стояла Давыдовна. Ее лицо было блее известняка, а глаза выдали всю гамму чувств — от шока до праведного гнева.

Я замер, с голой обезьянкой на шее, которая воспользовалась моментом и снова выхватила у меня проклятые ключи, с полным пониманием, что моя карьера в отеле только что достигла дна. В прямом и переносном смысле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.